

Глава 217: Происхождение

Когда Санни понял, что видит сон, первое, что пришло ему в голову, это то, что где-то рядом с белой аркой растет еще одно Дерево Души. Однако после нескольких мгновений паники он быстро отбросил эту мысль.

В конце концов, он никогда не видел снов, находясь под гипнозом древнего изверга. Он просто принял за сон обрывки воспоминаний о разговоре с Касси.

Но этот... этот был настоящим.

Окружавшая Санни картина сна была эфемерной, изменчивой и окутанной тенями. Над ним солнце было похоже на круг тьмы, багровый свет тонул в пылающем море облаков. Однако ни один из этих лучей не достигал его.

В мрачном зале из черного мрамора царила лишь пустая тишина.

...Которую теперь разрушал, конечно же, плач ребенка.

Крики женщины давно смолкли. Вглядываясь в стигийские глубины темного мраморного зала, Санни не видел ничего, кроме бесконечных теней. Плач ребенка доносился откуда-то из-за них.

...Или изнутри.

В голове Санни мелькнула тонкая мысль. Монументальные стены, колоссальные колонны, грандиозный зал... все это выглядело странно знакомым. Как будто он уже был здесь однажды, давным-давно.

Не хватало только следов запустения и большого алтаря, вырезанного из цельного блока черного мрамора. По сути, он должен был стоять как раз там, откуда доносились звуки плача.

В его голове всплыли знакомые слова, наполненные теперь новым смыслом.

«...Дитя Теней?»

В следующее мгновение все исчезло.

Мир колыхался. Кажущаяся бесконечной поверхность черного камня проплывала мимо его

зрения, двигаясь вверх и вниз.

...Нет, это был не камень, а сам Санни. Это он качался.

«Ч-что?!»

На самом деле, Санни оказался в теле... ребенка. Сейчас его бережно держала молодая женщина, которая шла по длинному каменному коридору, тускло освещенному горящими факелами. Отсюда и колыхание.

Девушка была совсем юной, не старше самого Санни — то есть его настоящего тела. Она была стройна и изысканно красива, с нежной фарфоровой кожей и длинными вороньими волосами. Красавица была одета в струящуюся шелковую тунику, обнажавшую ее нежную часть шеи и плечи.

Вокруг ее рук и шеи обвилась черная змея, чешуя которой была вытатуирована так искусно, что иногда казалось, будто существо движется. Тот, кто нанес на кожу девушки это изображение, был настоящим гением своего дела. Санни никогда не видел ничего подобного в реальном мире.

Однако он видел подобные метки в кошмаре.

...Это была метка раба, принадлежавшего Богу Теней.

Девушка была рабыней храма, как и он сам в своем первом кошмаре. Змея, обвившая ее шею и руки, служила ей одновременно ошейником и кандалами.

Она также была матерью малыша. Санни мог судить об этом по любви, с которой она держала ребенка, и по тихой улыбке, появлявшейся на ее лице каждый раз, когда она смотрела на него.

Возможно, Санни потерял собственную мать в раннем возрасте, но он все еще помнил, по крайней мере, это.

«Если мать — рабыня, то и ребенок тоже.»

Наконец, Санни начал понимать, что с ним происходит.

Сон, в котором он оказался, не принадлежал ему. Вместо него он принадлежал безымянному рабу храма, роль которого он взял на себя во время Первого кошмара.

Изначальное дитя теней.

Это видение было его памятью.

Вскоре девушка вошла в огромный зал, окутанный мраком. Судя по черным мраморным стенам, они находились в другой части древнего храма. Санни плохо видел окружающую обстановку, но каким-то образом мог определить, что они находятся под землей.

В центре зала семь высоких очагов горели странным, бледным пламенем. По краям света, неподвижно, стояло около дюжины людей.

Санни вздрогнул, внезапно вспомнив безмолвные тени, населяющие его Море Душ. Однако это были не призраки, а люди. Было еще несколько рабов, а остальные, похоже, были жрецами.

По правде говоря, между ними не было особой разницы. Казалось, что слуги Бога Теней не стремились к роскоши и статусу. На самом деле многие жрецы носили те же знаки, что и рабы, что говорило о том, что они сами когда-то принадлежали к храму.

«Что они здесь делают? Что происходит?»

Подойдя к одной из старших рабынь, юная красавица доверила ей ребенка. Оторванный от тепла материнской груди, малыш... Санни... почувствовал холод и страх. Однако пожилая женщина утешала его ласковыми словами, не давая ребенку плакать.

Затем она отошла назад и встала рядом с остальными людьми, собравшимися в подземном зале. Их лица были спокойными и торжественными.

Молодая женщина тем временем медленно вошла в круг света. Ее движения были элегантными, плавными и грациозными.

Остановившись в самом центре, она неподвижно стояла между семью бледными языками пламени, окруженная семью тенями.

Санни уставился на прекрасную рабыню, чувствуя, что сейчас произойдет что-то важное.

Но... что?

Когда он погрузился в задумчивость и беспокойство, внезапный звук нарушил тишину. Это был глубокий и гулкий звон цитры*.

Когда музыкальный инструмент запел, девушка-рабыня внезапно пошевелилась.

Вместе с ней двинулись семь ее теней.

«Это... это...»

Широко раскрыв глаза, Санни наблюдал за девушкой.

Она танцевала.

Прекрасная рабыня танцевала в круге света, окруженная непроницаемой тьмой, и каждое ее движение было исполнено неопишуемой грации и ясной, но неуловимой цели. Ее юное тело было гибким и легким, но в то же время сильным и тренированным, как у воина. Ее мастерство танцовщицы было сродни мастерству мастера боя.

Оно завораживало.

Молодая женщина сплетала прекрасные узоры из своих движений, их ритм и характер были одновременно твердыми и плавными, резкими и мягкими, четкими и непредсказуемыми. Она танцевала не только одна, но и с семьей партнерами, легко управляя как своим телом, так и семьей тенями, отбрасываемыми им.

Временами трудно было определить, кто из них настоящий.

Ее танец был... коварным, бесформенным и постоянно меняющимся.

Санни замер.

Он узнал эти движения. Они были такими же, как движения его тени.

Это был источник и исток стиля боя, который он хотел создать.

Это был Танец Теней...

* Цитра — струнный щипковый музыкальный инструмент, получивший наибольшее распространение в Австрии и Германии в XVIII веке, также известна и у венгров. Имеет плоский деревянный корпус неправильной формы, поверх которого натянуто от 17 до 45 струн.